

КОРОТКОЙ СТРОКОЙ

К началу 2017-го года в Ленинградской области в электронный вид переведено 80 % государственных и 50 % муниципальных услуг. За 12 месяцев минувшего года доля услуг, оказываемых через интернет, увеличилась на 18% и 8% соответственно.

● ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНО ПРОФИНАНСИРУЕТ ПРИОРИТЕТНЫЕ РАСХОДЫ 2017 года, не увеличивая при этом долговую нагрузку на бюджет. Текущими корректировками дополнительное финансирование предусмотрено на социально-культурную сферу, жилищно-коммунальное хозяйство, поддержку аграриев, строительство объектов и дорожное хозяйство.

● ПРОВЕРИТЬ НАДЕЖНОСТЬ КОНТРАГЕНТОВ И ПАРТНЕРОВ, рассчитать бизнес-план, нанять сотрудников и получить полный спектр необходимой информации и даже разместить рекламу теперь можно самостоятельно. Услуга по регистрации на портале «Бизнес-навигатор МСП» доступна в МФЦ Ленинградской области.

ПАМЯТЬ – НАША СОВЕСТЬ

Сталин предупреждает Жданова: «Вы должны знать, что пехота без танков не пойдет»

В ноябре эпицентр боевых действий на Ленинградском фронте по-прежнему находится в районе Невского «пяточка». Ставка Верховного Главнокомандования категорически требует, во что бы то ни стало прорвать блокадное кольцо и установить прочную связь с 54-й армией. 55-я армия своими активными действиями от устья Тосны до Ям-Ижоры пытается оказать наступающим с Невского «пяточка» частям Невской оперативной группы посильную помощь. Для достижения успеха Ставка рекомендует активнее использовать танки КВ. До конца месяца 43-я, 70-я, 85-я, 90-я, 268-я стрелковые дивизии при поддержке 124-й танковой бригады, попеременно сменяя друг друга и неся в кровопролитных боях огромные потери, безрезультатно атакуют Усть-Тосненский рубеж. О том, как они сражались в районе деревни Усть-Тосно, рассказывают участники событий.

Продолжение. Начало в №6(480) от 16 февраля 2017 г., №8 (483) от 2 марта 2017 г., №9 (484) от 9 марта 2017 г., №10 (485) от 16 марта 2017 г.

Для меня, Смыкунова, начальника штаба полка Павленко и парторга Амитина саперы еще с вечера приготовили землянку вблизи железной дороги. В ней висел фонарь и был изготовлен маленький столик. Стулья заменяла широкая доска, принесенная со «Спирт-строая». Мы тоже решили немного отдохнуть и перекусить. Не успели прилечь, как пришли заместитель начальника штаба дивизии Полянский и начальник политотдела Ипатов.

— Как дела, товарищи?

— Пока все идет по плану.

— Давайте еще раз все взвесим и проверим, — предложил они.

Мы снова высчитали, сколько понадобится времени, чтобы достичь Тосны. Получалось, что при быстрой ходьбе потребуется не менее 25-30 минут. Значит, возможно, артиллерийская обработка позиций противника прекратится еще до того, как полк достигнет нужного рубежа. И мы решили просить командира дивизии продлить артналет на пять минут. Но комдив отказал: дефицит снарядов.

Полк замер. Бойцы с напряжением ждали сигнала. Командиры вполголоса отдавали последние распоряжения. До меня долетел хриплый, простуженный голос Савкина, который что-то выговаривал бойцу. Наконец в небо взвилась красная ракета. Прочертила высокую кривую дугу и, не долетев до земли, погасла. В то же мгновение раздалась артиллерийские залпы и сразу же из противотанкового рва с криком «ура!» повыскакивали командиры и бойцы. Первые

шаги были энергичны и торопливы. Чувствовалось первое напряжение — ведь шла на встречу опасности. Роты двигались одна за другой, стройно, как по ниточке. Замыкала движение девятая, которой командовал старший лейтенант Богданов. Он шел впереди с поднятым наганом и все время громко выкрикивал: «Не отставать! Смелее вперед!»

Я шел вдоль железной дороги с только что назначенным адъютантом, молоденьким лейтенантом Николаем Вересовым. Вслед за мной связисты тянули провода, а за ними двигались Смыкунов и представитель штаба дивизии капитан Трофимов. Начальник штаба капитан Павленко и парторг Амитин были на левом фланге, ближе к Неве.

Наступление, если на него посмотреть со стороны, было впечатляющим и, пожалуй, устрашающим. Через наши головы с воем и свистом летели снаряды и там, за Тосной, в стане врага с грохотом рвались, поднимая вверх куски мерзлой земли, перемешанной со снегом. Передний край немцев окутался сплошным облаком густого дыма. Нам все это хорошо было видно и еще больше будоражило. И мы ускорили шаг.

В эти минуты никто из нас ни о чем не думал, кроме предстоящего боя. Одно было на уме: выиграть его! С каждым пройденным метром возрастал азарт, ведь враг молчал. Значит, был ошеломлен, прижат артиллерийским огнем к земле. Наверняка были и прямые попадания в расположение фашистов. Я с надеждой смотрел на своих бойцов. Почти трехтысячная масса вооруженных людей, верилось мне, могла сокрушить на своем пути все, выйти на заветный противоположный берег реки и вторгнуться в расположение

противника. И кое-кто уже пересек ледовый рубеж, стал метать гранаты. «Заговорил», устроившись за бугорком на берегу, и один из наших пулеметов.

Но в это самое время артиллерийская подготовка закончилась, и стало тихо. Тишина напугала. Показалось, что она оголила нас. Я обернулся, посмотрел на ряды наступающих и ужаснулся: основная масса бойцов все еще находилась на середине пути, и в это время на ряды наступающих полетели вражеские крупнокалиберные снаряды. Фашисты, как выяснилось потом, открыли маскированный артиллерийский огонь с правого фланга. Стреляли с ожесточением, одновременно из нескольких батарей. Гибельным для нас оказалось то, что им никто не мешал: ни наша артиллерия, ни авиация. Налет вражеской артиллерии произошел так неожиданно, что мы растерялись. Вмиг была нарушена стройность движения. Под огнем противника начали гибнуть уже поверившие в свою победу командиры и бойцы.

Вражескими снарядами были накрыты почти все девять рот. Местность заволочено дымом. Над болотом стоял оглушительный грохот. Крики командиров и вопли раненых были едва слышны.

Я в оцепенении смотрел на расстреливаемые ряды рот, на взлетающие вместе с землей тела убитых, на корчащихся от боли раненных. Меня охватил озноб. Атака в мгновение захлебнулась. Полк на глазах стал таять.

«Что делать?» — спрашивал себя и не находил ответа. Прежде всего надо было восстановить с батальонами связь, которая оказалась перебитой. Связисты, посланные исправить повреждения, не возвращались. Их участь, видимо,

была такой же, как и тех, кто попал под разрывы снарядов.

Пришла мысль связаться с артполком и попросить их подавить батареи противника. Но мне ответили, что еще не подвезены снаряды, а те, что были, израсходованы во время артподготовки. Тогда я обратился к Смыкунову и предложил идти вперед вдоль железной дороги, где безопаснее, и попытаться собрать оставшихся в живых, чтобы продолжить наступление. Но живых бойцов мы вблизи не обнаружили...

Пройдя немного вперед, мы наткнулись на убитых и раненых. Одни из них лежали с раскинутыми в стороны руками, другие уткнулись лицом в землю, третьи сидели с опущенными на грудь головами. Раненые смотрели на нас с надеждой и звали на помощь. Вокруг них проворно ползали сандружинницы с пакетами в руках. Перевязывали, укладывали на плащ-палатки и тащили к насыпи, в мертвую зону. Вблизи Тосны мы увидели нескольких бойцов, сидевших на корточках в ходах сообщений. Смыкунов подошел к ним и своим зычным голосом крикнул: «Встать! Вперед!» Бойцы послушались. Но метров через десять опять кинулись в траншею, так как рядом стали рваться снаряды.

Противник не прекращал стрельбы, которая длилась уже минут десять-пятнадцать. И тут я увидел долговязую фигуру начальника связи полка капитана Воронова, который, маневрируя между разрывами, падая и вставая, торопливо бежал к нам:

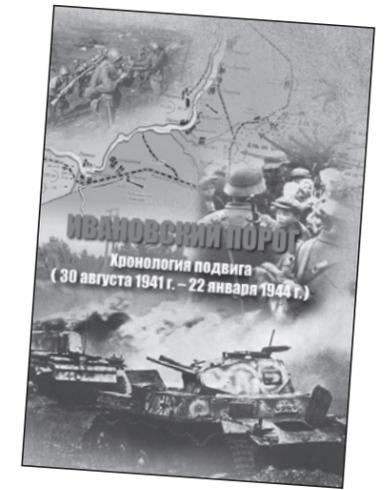
— Связь везде порвана!..

Не дослушав его, я крикнул:

— Немедленно установите связь с командирами батальонов!

— А где их искать?

— Возьмите уцелевших бойцов и налаживайте связь.

Безнадежно махнув рукой, он неловко повернулся и побежал обратно. Но связи с комбатами так и не удалось установить. Воронова я больше не видел. Кто-то сообщил, что его отправили с разорванным бедром в медсанбат.

Через несколько минут ко мне прибежал порученец комдива. Обо всем, что произошло, тот, конечно, знал. Порученец передал приказ дать отбой. Немцы, правда, реже, но продолжали вести огонь. Тут же я приказал своему связному выпустить две зеленые ракеты. Этот сигнал давал право командирам и бойцам укрыться в траншеях и нишах.

Теперь оставалось ждать, когда противник прекратит обстрел. Скоро немецкие батареи умолкли. Установилась относительная тишина. Скверно было на душе. Наступление соврвало, большие потери... Вдруг вблизи разорвался снаряд. В себя я пришел, когда еще лежал лицом вниз. Приподнялся, открыл глаза и увидел рядом со мной сидящего на земле связного, выплевывавшего густую кровь. Смыкунов стоял и стряхивал с себя землю. Его лицо было бледным, но он, кажется, был невредим.

Вставая, я почувствовал боль в пояснице, шум в ушах и головокружение. Тут же меня стошнило. Блеснула страшная мысль: «Неужели поясное ранение? Это же неминуемая смерть!» Расстегнул ремень, отогнул полу шинели и протянул за спину руку. Крови не нащупал. Очевидно, ударило в спину камнем.

Продолжение следует

■ Публикация подготовлена по материалам книги «Ивановский порог. Хронология подвига. (30 августа 1941 г. — 22 января 1944 г.)», автор-составитель Ю.И. Егоров, 2015 г.